

Причины и механизм возникновения войн и вооруженных конфликтов

Сергей Федосеев

полковник, начальник
кафедры гуманитарных
дисциплин Национального
университета обороны РК,
кандидат политических наук, доцент

Война относится к тем историческим явлениям, которые развиваются наиболее быстро. Она значительно раньше достигла развитых форм, по сравнению с мирными отношениями, и продолжает оставаться мощнейшим локомотивом научно-технического прогресса. К настоящему времени война претерпела самые глубокие изменения по социально-политическому содержанию, военно-техническому облику, масштабам воздействия на жизнь общества.

Еще в XVIII веке К.Клаузевицем были введены в обращение три ключевые категории, находящиеся в тесной взаимосвязи: *der Zweck* – политическая цель, *das Ziel* – цель военных действий, *das Mittel* – средство военного воздействия. Все эти три категории были зачеканены в единое фундаментальное определение: «Война есть акт насилия, предпринимаемый с целью подчинения противника нашей воле». На рубеже XIX века стали считать, что раз эта воля связана в конечном итоге с проблемой передела мира ведущими державами, то все «малые» войны и вооруженные конфликты должны перерасти в крупномасштабную войну. Причем неизбежность такого масштабного столкновения В.И.Ленин связывал с вступлением капитализма в высшую фазу своего развития – империализм.

С появлением противостоящей капиталистической социалистической системы эта теория продолжала оставаться доминирующей, хотя и была дополнена идеологической составляющей. Причем первая и вторая мировые войны наглядно подтвердили соответствие этой теории реалиям того времени.

Послевоенный период в целом также не опровергал этой теории, хотя вторая мировая война и явилась той исторической вехой, за которой последовали крупные изменения в развитии международных отношений. Эти изменения были обусловлены образованием обширной зоны так называемого «третьего мира». При этом важной особенностью локальных войн и вооруженных конфликтов этого периода явилось то, что хотя в них в той или иной мере были вовлечены крупнейшие мировые державы, к тому же еще и разделенные на два антагонистических лагеря, они не имели тенденции к разрастанию их масштабов до крупной (глобальной) войны.

После исчезновения глобальной военной конфронтации между Востоком и Западом в мире начало нарастать количество вооруженных столкновений, в которых, с одной стороны, продолжали участвовать государства, а с другой – вооруженные структуры, вообще не относящиеся к каким бы то ни было международно-признанным субъектам. При этом зачастую отсутствовала ясно выраженная государством политическая цель вооруженной борьбы. Следствием этого становилась неясность в военных целях операции, а также в дозволенных военных средствах ее достижения. Другими словами, в этих вооруженных столкновениях «нарушилась» логическая цепочка: *der Zweck – das Ziel – das Mittel*.

Тем не менее на протяжении всего XX века доминировало определение войны (данное в свое время К.Клаузевицем) как общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами. Со ссылкой на В.И.Ленина говорилось, что «именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, рассматривавших каждую войну как продолжение политики данных заинтересованных держав – и разных классов внутри их – в данное время» [1]. При этом в философском аспекте такие категории, как «война» и «вооруженный конфликт», не различались.

Однако, как отмечал известный русский военный теоретик А.А.Свечин, «одинаковых войн не бывает, каждая война – частный случай, требующий установления особой логики, особой линии стратегического поведения, а не приложения какого-то шаблона» [2]. В конце XX века, когда, кроме вооруженных конфликтов, подпадающих под выше указанные представления, произошел целый ряд вооруженных столкновений, характер которых плохо согласовывался с устоявшимися взглядами, эта истина в очередной раз подтвердилась.

Сейчас начался очередной поиск причин и механизмов возникновения таких войн и вооруженных конфликтов, который привел к настоящему ренессансу старых научных школ. Так, их причины стали находить в биологических особенностях человека (инстинкт драчливости или, по З.Фрейду, врожденный инстинкт агрессии) либо в культурных факторах (особенности воспитания, этноцентризм, двойные моральные стандарты в системе «свой – чужой» и другие), а сам вооруженный конфликт стал расцениваться как явление, стоящее в одном ряду с эволюционными изменениями и экологическими катастрофами [3]. К причинам, вызывающим вооруженные конфликты, стали относить случайности и неуправляемое развитие событий, а также иррациональную деятельность групп лиц, в первую очередь политических лидеров, которые при принятии жизненно важных для своей страны решений руководствуются «своим личным выбором» [4]. Вооруженные конфликты рассматривались и исходя из утверждения, что любой жизнеспособный социальный институт должен выполнять определенные важные функции, в числе которых война представляет собой инструмент сохранения гомеостаза и обеспечения экономического, демографического, карательного (восстановление социального порядка), психологического и прочих балансов [5]. При этом считалось, что государство

«живет» по объективным законам развития, среди которых особо выделялось стремление к занятию некоего оптимального положения, которое способствовало бы обеспечению длительного его существования [6].

При таких подходах любая война должна рассматриваться как вооруженный конфликт, одновременно не всякий вооруженный конфликт может быть соотнесен с войной. Более того, одно и то же вооруженное столкновение каждой из противоборствующих сторон может классифицироваться совершенно по-разному. Так, для малой, слабой в военном и экономическом отношении страны даже локальный вооруженный инцидент становится полномасштабной войной, в то время как другая страна, обладающая развитой оборонной промышленностью и мощными вооруженными силами, оценивает это же событие как не заслуживающее особого внимания.

Таким образом, отличия вооруженного конфликта от войны стали связываться, главным образом, с оценкой этого события со стороны вовлеченной в него общественности. Если вооруженная борьба затрагивает безопасность каждой личности, всех слоев общества и государства, определяет все сферы их жизнедеятельности, становится главным, решающим средством (способом) достижения основных социальных и политических целей, то в этом случае речь идет о войне. Если же военный фактор затрагивает только часть общества, а достижение основных целей не вовлеченных в столкновение социальных групп осуществляется в других формах борьбы (идеологическая, дипломатическая, психологическая, экономическая, политическая и так далее), то предпочитают говорить о вооруженном конфликте. Соответственно если в ходе войны предполагается перестройка всей общественно-политической жизни общества, то для условий вооруженного конфликта такой глубокой перестройки в деятельности государственных и общественных структур не предполагается.

Очевидно, что в реальной жизни, исходя из такого подхода, очень сложно провести грань между войной и вооруженным конфликтом. Причем такая некорректность ведет к тому, что формы и способы ведения вооруженных конфликтов (в том числе и внутренних) начинают копировать с «большой» войны, только в уменьшенных масштабах. Однако в конце XX века характер вооруженных конфликтов стал все менее походить на такую уменьшенную копию войны. Следовательно, практика военного строительства нуждается в более четкой идентификации современных войн и вооруженных конфликтов, для чего необходимо рассматривать их как своего рода процесс.

В этой связи следует заметить, что в современной конфликтологии существует несколько более или менее разработанных подходов к научной идентификации ситуаций возникновения войн и вооруженных конфликтов. В конечном итоге все они пытаются установить закономерности их фазового развития. Обобщая эти подходы, можно выделить шесть таких фаз: зарождение конфликта; значительное обострение социально-политической напряженности; начало отдельных конфликтных силовых действий; нарушение стратегической

стабильности обстановки и широкомасштабное применение силы; деэскалация и завершение вооруженной фазы конфликта; восстановление мира.

Вполне понятно, что точкой отсчета процесса возникновения вооруженного конфликта выбирается нулевая фаза (мирное сотрудничество) – наиболее благоприятный период развития общества, во время которого политические, социально-экономические и прочие противоречия разрешаются исключительно несиловыми методами и средствами. Однако сам термин «мир» до сих пор не подвергался сколько-нибудь детальному анализу, ибо мир можно рассматривать и как состояние, и как определенную деятельность, направленную на прекращение войны. Причем следует подчеркнуть, что в первом случае мир вовсе не равнозначен полному отсутствию какого бы то ни было насилия, так как и в мирное время, подобно войне, наблюдаются ссоры, стычки, преступность и так далее. Мир как деятельность также является процессом, включающим целый ряд мероприятий, направленных на установление и поддержание мирных отношений, в том числе и силовыми методами.

Говоря о фазах зарождения и значительного обострения напряженности, следует заметить, что они еще не могут быть отнесены к категории вооруженного конфликта, поскольку в них отсутствует элемент насилия. Поэтому ее следует воспринимать как фазу мирного накопления различных противоречий, количество которых может перерасти, а может и не перерасти в качественно иную фазу – силовые действия. Таким образом, условия возникновения вооруженных конфликтов следует искать именно в этом фазовом переходе.

Если рассматривать условия возникновения войн и вооруженных конфликтов с позиций вероятностных оценок, то оптимальным вариантом описания фазового перехода от мира к войне стало бы выражение его в количественной форме, например, в десятибалльной системе. Однако переход военной опасности в вооруженное столкновение – столь сложное, многофункциональное явление, что оценить его конкретными цифрами, по крайней мере на современном уровне развития знаний, не представляется возможным. Поэтому более правильным, по-видимому, было бы выявить качественные показатели условий необходимости и достаточности для такого перехода.

В основе войны и вооруженного конфликта лежат некие объективные противоречия, приобретшие глубокий антагонистический характер, когда вооруженное насилие воспринимается как приемлемый способ достижения намеченных целей, а группы, участвующие в нем, убеждены в достаточности у них для этого сил. Поэтому большую теоретическую важность представляет рассмотрение факторов и условий, в результате которых те или иные группы, ощущающие социальный дискомфорт, начинают осознавать необходимость конфронтационных действий и организуются для них.

Фактически зашли в тупик поиски ответа на вопрос, как начинаются войны, то есть каким образом конфликт переходит в фазу вооруженной борьбы. В этой связи внимание военных теоретиков (особенно на Западе) привлекала

книга австралийского историка Дж.Блейни «Причины войн». Он развивает ту мысль, что «войны не начинаются, если сражающиеся нации достигают соглашения в оценке своей относительной мощи, и возникают в том случае, когда вовлеченные в конфликт нации расходятся в этих оценках» [7].

По мнению Дж.Блейни, Советский Союз и США никогда не воевали между собой на глобальном уровне именно благодаря наличию такого соглашения. Подобный «замер мощи» является в теории Блейни центральным звеном. По его определению, «война сама по себе – это спор о результатах замера, мир... означает твердое согласие с результатами замера» [8]. Как считает Блейни, существует семь факторов, по которым традиционно делается суждение о государственной мощи и по которым эта мощь сравнивается с мощью других государств. Если некий обобщающий показатель мощи одной нации выше, чем у его противника (по крайней мере, так считается), а с другой стороны, вероятный противник также считает, что он является более сильным государством, вероятность возникновения войны весьма высока. В доказательство своей теории Блейни рассмотрел несколько современных широко известных теорий относительно войны и мира, в частности, теорию коротких войн, доктрины Манчестера и доктрины существования либерально-демократических обществ. Упомянутыми выше семью факторами, на основе которых происходит подсчет мощи государства, являются:

1) военная мощь и способность эффективно применить ее на выбранном театре военных действий или в выбранном географическом регионе;

2) обоснованный прогноз сторон: как поведут себя различные государства (в первую очередь, государства, находящиеся вблизи границ данной страны) в случае возникновения военного конфликта;

3) оценка внутренней сплоченности общества в данном государстве, а также в дружественных и враждебных государствах;

4) способность учитывать или, наоборот, не учитывать факторы, связанные с негативными последствиями войны в различных сферах государственной жизни;

5) осознание наличия экономических и других аналогичных ресурсов для ведения войны предполагаемого масштаба, характера и интенсивности;

6) наличие спланированных обществом националистических или идеологических факторов;

7) личные и умственные способности лидеров, которые принимают решения по вопросу войны и мира. Ни один из этих указанных критериев не является преобладающим, определяющее значение имеет их сочетание.

Данный подход коррелируется с рассмотрением действий законов войны (зависимость хода и исхода войны от ее политических целей, соотношения экономических сил и возможностей противоборствующих сторон, боевой мощи их вооруженных сил, военного искусства и морального духа). Эти законы в последние годы, вместе с коренной ревизией военной теории, методологической основой которой долгое время являлось марксистско-

ленинское учение о войне и армии, были современной военной наукой переосмыслены.

Литература

1. Военный энциклопедический словарь. 2-е изд. – М., 1986. – С. 151.
2. Свечин А.А. Стратегия. Изд. 2-е. – М., 1927.
3. Rapoport, A. The origins of violence: Approaches to the study of conflict. – N.Y.: Paragon House, 1989. – XVIII. – 620 p.
4. Fearon, J.D. Rationalist Explanations for War // International Organization, v. 49. – Summer 1995. – №3. – Pp. 379–414.
5. Шишков Ю. О механизме переходов в мировом сообществе // ИМЭМО. – 1995. – №12.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.
7. Geoffrey Blainy. The Causes of War, 3rd ed. – N.Y.:The Free Press, 1988. – P. 293.
8. Geoffrey Blainy. Op.Cit. P. 122.

Материал опубликован в журнале «Analytic» №3-2005